



Российская Академия Наук

Дорогая Наталья Дмитриевна!

Дамы и господа!

Александр Исаевич Солженицын, создатель «Архипелага ГУЛАГ», достаточно скромно, без самовосхвалений, определял смысл и сверхзадачу своего творчества: «Я хотел быть памятью, Памятью народа, который постигла большая беда».

Весь жизненный путь великого писателя как бы вел его к этой теме. Этот путь пролегал сквозь катастрофическое, «конвойное» время лагеря, ссылки, через арест рукописей, высылку за рубеж и другие изломы судьбы. Надолго закрепилось за ним определение «лагерный писатель», которое сейчас необходимо уточнить. Он всегда воспринимал Россию, даже во время вынужденной разлуки, как единственно возможное, вечно влекущее к себе, загадочное Отечество. Солженицын прекрасно понимал, постепенно переходя от повестей и романов о лагере, «Одного дня Ивана Денисовича» и «Круга первого» к грандиозной панораме «Красного колеса», что именно Россия не просто воспроизводит мировую историю во всем ее величии, сложности, порой катастрофизме, но и открывает новые пути для добра. Он знал, что «русская культура,— как скажет великий его современник композитор Георгий Свиридов,— неотделима от чувства совести», и что «совесть — вот что Россия принесла в мировое сознание».

При всех печалях, даже скорбях, Солженицын не был пессимистом. Он писал в одной из поэтических исповедей:

Не все пути добра закрыты,
На хребте славы земной
Я с удивлением оглядываюсь на тот путь
Через безнадежность — сюда.

А удивляться было чему...

Собственно, чувства безнадежности — это мы видим сейчас, оценивая моральный потенциал его произведений, — как раз и нет в его книгах. Величайшее жизнелюбие, способность созидать добро, «жить не по лжи», вопреки всему, несут в себе и лагерный работяга Иван Шухов, и праведница Матрена, и солдат Благодарев из «Красного Колеса». Самого Солженицына Анна Ахматова назвала «светоносцем». Вера в победу света и добрых начал народной жизни вели писателя к философии народосбережения и проповеди экологии культуры.

Да, Солженицын, как и А.И.Герцен, понимал, что у русского писателя особая миссия: «Мы — не хирурги, мы — боль». Но его художественные свидетельства о боли, об изломах, об исковерканности крутой русской жизни были его деянием, его почти врачебным вмешательством в ход исторических событий. Солженицын не хотел, чтобы литература множила руины в Отечестве, он искал обновления без тупого разрушительства. Хотя порой — даже в конце жизни! — он ощущал, что может спросить себя и свое время:

«Из-под каких развалин говорю, из-под какого я кричу обвала?»

Некоторые из его последних книг так, достаточно горестно, и названы: «На изломах» (1996), «Россия в обвале» (1998). Некоторое время после 1991-го года, как отметила биограф писателя Людмила Сараскина, «виделось Солженицыну не как февраль 1917 года, а как его дурная пародия... Митингами и демонстрациями даже объелись».

Но даже эти впечатления — не безнадежность, а путь вперед, «к обустройству России», к победе добра, путь, как сказал А.М.Ремизов, «сквозь огонь скорбей». Они, нелегкие для души скорби, порой очень жгучие, полные тревоги, способны растормошить любое сознание. Но именно таков весь Солженицын. Он не писатель лагерной или деревенской темы. В нем Россия потеряла в 2008 году писателя общенационального масштаба, одержимого мечтой о лучшей судьбе для России, о творческом ее переустройстве. Солженицын и ныне дарует свет всем поколениям читателей — «свет и неспадающий подъем духа» (Анна Ахматова).

Позвольте пожелать участникам конференции успехов в работе.

Президент
Российской академии наук
академик



Ю.С. Осипов